

УДК 94(476)''1917''

Н. Е. Семенчик

Белорусский государственный технологический университет

ВЛИЯНИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1917 Г. НА РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И ПРОМЫШЛЕННОСТИ БЕЛАРУСИ

В статье характеризуется состояние ведущих отраслей экономики Беларуси в начале 1917 г. Автором раскрывается влияние Февральской и Октябрьской революций на развитие сельского хозяйства и промышленности Беларуси. Обращено внимание на взаимосвязь этого процесса с реалиями военного времени. Рассматриваются перспективы интенсификации сельского хозяйства и промышленности после свержения самодержавия. Показаны направления политики Временного правительства в сфере экономики, а также их последствия для Беларуси. Отмечены попытки партии большевиков после прихода к власти осуществить свою экономическую программу, а также их результаты. Указано место действующей армии в системе потребления сельскохозяйственной и промышленной продукции Беларуси.

Ключевые слова: Беларусь, Западный фронт, Временное правительство, сельское хозяйство, продовольствие, фураж, промышленность.

N. Ye. Semenchyk

Belarusian State Technological University

1917 REVOLUTIONARY EVENTS' EFFECT ON DEVELOPMENT OF BELARUS' AGRICULTURE AND INDUSTRY

The article reviews the state of key industries of Belarus' economy at the beginning of 1917. The author describes the February and October revolutions' impact on the development of agriculture and industry of Belarus. The interconnection of this process and the war-time realities is highlighted. The paper examines the prospects of industrial and agricultural intensification after the downfall of autocracy. The Provisional Government's policies in the field of economy are shown, as well as their consequences for Belarus. The author also notes Bolsheviks' attempts to carry out their economic program after coming to power and comments on their results. In addition, the active army's role in the system of consuming Belarus-made agricultural and industrial products is defined.

Key words: Belarus, Western front, Provisional government, agriculture, food, feed-stuff, industry.

Введение. В отечественной историографии российских революций 1917 г. традиционно доминирует их политическая составляющая [1–4]. Отраженные в них экономические аспекты играют фоновую роль и не являются равноценным объектом исследования. В частности, направления и результаты государственной деятельности в сфере сельского хозяйства и промышленности Беларуси в указанное время остаются в значительной степени не изученными. Между тем, их внимательное рассмотрение позволяет точнее определить адекватность политических решений тогдашним реалиям.

Основная часть. Известно, что к началу 1917 г. по причине продолжавшейся войны экономика Российской империи испытывала значительные трудности. В еще более неблагоприятных условиях оказались белорусские губернии империи, свободные от германской оккупации. Составлявшее их экономическую основу сельское хозяйство ощущало нехватку рабочих рук, особенно в сфере растениеводства. По этой же причине существенно, на 15–17%, сократились посевные площади. Соответственно, уменьшилось

количество производимого хлеба, что в значительной степени усиливало зависимость местного, особенно городского, населения от централизованного снабжения продовольствием. Несмотря на обязательность мобилизации лошадей и поставок мяса на фронт, поголовье живности в помещичьих и крестьянских хозяйствах отвечало местным потребностям.

Департамент земледелия продолжал начатую П. Столыпиным аграрную программу, в том числе рассчитанную на подъем сельского хозяйства. Даже здесь, вблизи линии фронта, оказывалась помощь крестьянам, которые переходили к новым формам хозяйствования и новым технологиям земледелия, а также создавались прокатные и зерноочистительные станции, случные пункты, пропагандировались сельскохозяйственные знания и т. д. В результате в крестьянских хозяйствах обозначилась тенденция к переходу к многопольному севообороту, использованию современных орудий труда, приобретению породистых животных, применению искусственных удобрений и т. д. В целом, во многом благодаря государственной

заботе, умелому выполнению своих функций командующими Западным и Северным фронтами, начальниками Двинского и Минского военных округов, губернаторами Витебской, Минской и Могилевской губерний, сельское хозяйство Беларуси не только обеспечивало действующую армию и местное население продовольствием и фуражом, но и имело известную возможность к дальнейшему развитию.

Начатая осенью-зимой 1916 г. Министерством земледелия подготовка к хлебной монополии и проведенная заготовка запасов зерна местного урожая дала возможность решить возникшую продовольственную проблему.

К началу 1917 г. промышленность Беларуси также ощущала воздействие военного времени и прежде всего зависела от востребованности ее продукции армией. В этой связи наибольшая часть рабочего класса была занята в деревообрабатывающей, кожевенной и строительной промышленности. Большое количество производственных мощностей, а также людских ресурсов Беларуси было эвакуировано вглубь империи, что сдерживало рост производства и выпуск продукции. По-прежнему значительная ее доля приходилась на ремесленников и кустарей, работавших на заказ, в том числе и для нужд фронта. В целом роль государства в развитии местной промышленности была незначительной. По сути, основные функции в этом отношении выполняли западно-фронтовые комитеты всероссийских земского (ВЗС), городского (ВСГ) союзов и предприятия Военно-промышленного комитета.

Возникшие за годы войны экономические трудности в стране (инфляция, рост цен на товары первой необходимости, нехватка продуктов и пр.) проявлялись и в Беларуси, но они не создавали социальной напряженности, подобно той, что назрела в Петрограде.

Февральская революция 1917 г., которая победила в России, имела преимущественно политический характер и поначалу не задевала экономических основ государства, базировавшихся на частной собственности и капиталистическом способе производства. Сельское хозяйство и промышленность также не претерпели структурных, качественных и иных показателей. Новое, Временное правительство, в первую очередь озабоченное продолжавшейся войной, стремилось минимизировать последствия революции на экономическую сферу жизнедеятельности российского общества до созыва Учредительного собрания. В частности, даже после замены полиции милицией, отставки губернаторов и их заместителей, назначения правительственных комиссаров, демократизации органов самоуправления и т. д. некоторое время хозяйственная жизнь в стране протекала в прежнем

русле: продолжалась хуторизация деревни, обрела силу закона «хлебная монополия», сохранялись реквизиции, подводная и трудовая повинность и др. Фронт оставался не только потребителем сельхозпродукции, но и поставщиком рабочей силы для уборки урожая, ремонта техники и др. Продолжали бесперебойную работу агрономические, ветеринарные, статистические службы.

С первых дней революции Временное правительство и большая часть общества выказали приверженность лозунгу победного завершения войны и внесли вклад в укрепление тыла. Опасаясь подрыва существовавшей системы обеспечения фронтовиков продовольствием и фуражом, служащие земств, совместно с сельской интеллигенцией и при поддержке военнослужащих, до конца марта 1917 г. пресекли начавшиеся крестьянские при участии солдат грабежи помещичьего имущества [5, с. 5].

Общими усилиями правительства и общественности удалось убедить крестьян в необходимости сохранения помещичьего землевладения до проведения аграрной реформы Учредительным собранием. Следует иметь в виду то обстоятельство, что после свержения самодержавия, считавшегося в России основным препятствием на пути к прогрессу, возникли реальные предпосылки устранения экономических трудностей.

Временное правительство стремилось сочетать аграрное движение с государственными интересами, чему должны были способствовать его постановления о продовольственных комитетах, «хлебной монополии», охране посевов и избрании земельных комитетов. Осуществляемые совместно, они нацеливались на рациональное использование земельных угодий вне зависимости от их принадлежности, на устранение нехватки продовольствия, а также подготовку к аграрной реформе. По-прежнему местными властями совместно с военными уделялось большое внимание рачительному использованию трудовых ресурсов и орудий труда, содержанию поголовья породистых животных, совершенствованию реквизиций продовольствия и фуража у местного населения.

Однако по мере нарастания между разными социальными слоями политической борьбы государственные интересы стали уступать место классовым и корпоративным. Стараниями левых партий, главным образом эсеров, продовольственные и особенно земельные комитеты сделались орудием борьбы против помещиков в ущерб решению общегосударственных задач. Так, по мере созревания хлебов и трав помещичьи хозяйства становились объектом обогащения части крестьян, которые, пользуясь дефицитом

у хозяев рабочей силы, навязывали им свои расценки аренды угодий, сбора урожая и т. д. Нередко для пущей сговорчивости помещиков крестьяне прогоняли с их полей работавших там батраков или военнопленных.

Неосознанно новая власть в лице Временного правительства подрывала доверие владельцев хлебных, фуражных и других продуктов к установленным ей же «твердым ценам», а через них – и к самой хлебной монополии. Министры земледелия, продовольствия, финансов и др., вопреки массовым требованиям крестьян, не сочли возможным применить систему «твердых цен» по отношению к промышленным товарам. Как и повсюду, в Беларуси важнейшим из результатов недальновидной политики Временного правительства стало сокращение крестьянских поставок сельхозпродуктов армии и городу вплоть до полного их прекращения в октябре 1917 г. Ожидая очередного подъема твердых цен, крестьяне воздерживались от выполнения контрактов с воинскими частями, продавали продукты своего труда спекулянтам либо пускали их на производство самогона. Ко времени предвыборной кампании в Учредительное собрание участились случаи захватов крестьянами помещичьего имущества под руководством земельных и продовольственных комитетов.

В отличие от помещиков, владельцы промышленных предприятий открыто не проявляли опасений за свою собственность. Февральская революция не отразилась на структуре промышленности, ее количественных и качественных показателях. С падением военно-полицейского режима рабочие получили возможность стачечной борьбы, но прибегали к ней редко, добиваясь желаемого через примирительные камеры. Местные ремесленники и кустари традиционно ориентировались на запросы местного населения, а также выполняли военные заказы. По-прежнему труд рабочих был востребован, поэтому безработицы в городах не наблюдалось. Со времени войны промышленное производство в Беларуси было обусловлено главным образом потребностями фронта в обуви, кожаных изделиях, санитарных повозках, санях, пиломатериалах, проволоке, брезенте, писчей бумаге и другой продукции.

В целом последствия революции для промышленности Беларуси по сравнению с сельским хозяйством были менее заметны, а ее (промышленности) перспективы, впрочем, как и всей экономики страны, во многом зависели от решений долгожданного Учредительного собрания. Но накануне его выборов, 25 октября 1917 г. в Петрограде произошел переворот, организованный партией большевиков, хотя никаких экономических предпосылок к нему не наблюдалось.

Тем не менее восставшие захватили банки и заявили о переходе предприятий под контроль трудящихся. Уже на следующий день, 26 октября на II съезде Советов рабочих и солдатских депутатов (РиСД) был утвержден предложенный В. Лениным декрет о земле, где, помимо прочего, говорилось о переходе помещичьей, удельной, монастырской, церковной собственности (земли, имения, инвентарь) к волостным земельным комитетам и уездным Советам крестьянских депутатов (КД) [6, с. 14].

Характерно, что представителей последних на съезде не было. Советы КД были объединены с рабоче-солдатскими и утратили статус самостоятельных общественно-политических организаций. Из других учреждений, прежде защищавших крестьянские интересы, оставались земельные комитеты. Не признавшие ленинское правительство легитимным, эсеровские Советы и земельные комитеты стали в оппозицию к большевикам и еще больше усложнили политический кризис в стране. Соответственно, осуществление декрета о земле затянулось на неопределенное время. Аналогичная ситуация сложилась и в Беларуси. Так, 8 ноября земская управа распространила по Минской губернии «Циркулярное обращение к крестьянам», где вопреки декрету о земле земельные комитеты и крестьянские Советы призывались воздержаться от преждевременного, до установления «принятой всем народом единой власти», распоряжения частновладельческими землями, инвентарем и т. д. [7, л. 46–47].

Со своей стороны, 19 ноября большевики, созвав II съезд Советов Западной области, потребовали немедленной реализации декрета, в частности, путем передачи имений земельным комитетам, но состоящим из представителей беднейшего крестьянства [6, с. 239]. Как сообщалось в «Информационном листке» от 30 января 1918 г., в Витебской губернии земельные комитеты в волостях были вообще уничтожены, а вместо них организованы Советы крестьянских депутатов [6, с. 860].

5–6 ноября участниками демократического съезда в Могилеве была принята резолюция о переходе всех земель в ведение земельных комитетов под наблюдением уездного Совета КД [8, л. 116]. Один из вопросов, рекомендованных 15 ноября Могилевским губернским земельным комитетом для обсуждения на местах, касался «подготовки необходимого персонала из рядовых крестьян и из среды крестьянской интеллигенции опытных инструкторов-руководителей и рабочих по ведению сельского хозяйства» [9, л. 1].

21 ноября 1917 г. из Могилева под грифом «Секретно. Циркулярно. Весьма спешно» на

адрес волостных земельных комитетов, земств и крестьянских Советов было направлено предписание губернской управы избрать комиссии с участием владельцев и приступить к инвентарной описи всех имений. «Настал момент нашей трудной работы, – говорилось в документе, – которую мы должны трезво провести в жизнь и спасти для себя же народное достояние» [9, л. 81].

26 ноября эсеровский Могилевский губернский земельный комитет издал постановление о переходе всех земель в ведение земельных комитетов до окончательного решения земельного вопроса Учредительным собранием. 28 ноября новая губернская власть в лице Могилевского ВРК продублировала это постановление, предписав всем земельным комитетам губернии «немедленно взять в свое ведение все помещичьи имения с живым и мертвым инвентарем, согласно декрету о земле народных комиссаров» [9, л. 57]. Однако иногда учитывать было уже нечего. Так, в Городищенской волости Быховского уезда одна из комиссий попыталась составить опись имущества помещиц Саульской и Омелянской, но крестьяне села Малые Белевичи Городищенской волости воспротивились ее работе и до 30 ноября разграбили все имение. Захваченный хлеб обмолотили и отвезли по своим домам [9, л. 79]. Удалось вернуть далеко не все. Так, 18 декабря Быховский ВРК предписал уездной управе «принять меры против разграбления народного имущества» и с помощью 4 матросов заставить крестьян вернуть обратно украденный в имениях инвентарь [9, л. 23].

В целом же по мере установления Советской власти в деревне большевикам пришлось столкнуться с результатами своей же агитации и пропаганды в аграрном вопросе. Дело в том, что после Октябрьского переворота отдельные случаи открытого хищения крестьянами помещичьего имущества вылились в погромное движение совместно или во главе с бежавшими с фронта либо демобилизованными солдатами. К примеру, в Городокском уезде погромы были спровоцированы постановлением уездного ВРК о взятии имений на учет. В результате солдаты «учли», т. е. разграбили имения во всех 21 волостях. Как явствовало из сводки, вскоре грабежи стали грозить и крестьянским хозяйствам [10, л. 62]. В конце ноября «стихийная волна разрушения» перекинулась на Витебский уезд [11, л. 64].

Большевицкая власть пробовала разными средствами пересечь разграбление помещичьей и государственной собственности. Причинами неурядиц называли бездействие земельных комитетов в проведении земельной реформы, неполноту власти Советов и др. Кое-где этот процесс удавалось привести в организованное русло. Как писал большевик П. С. Андреев, в Борисовский

уезд «в имение великого князя Николая Николаевича были посланы наши представители, которые оказывали на месте помощь бедноте, организовано распределяя скот и инвентарь» [12, л. 179].

В то же время 29 ноября жители деревни Холпейское Сельцо Ново-Быховской волости прибыли в имение Славянка, «разгромили весь живой и мертвый инвентарь и все разграбили, а что не унесли, то поломали» [9, л. 3].

Апогей погромного движения совпал с развалом русской армии. По воспоминаниям крестьянина Уваровичской волости Гомельского уезда П. М. Юркова, «когда приехали солдаты с фронта домой в деревню и объявили программу и лозунги большевистской партии, ... все крестьяне, за исключением зажиточных, пошли с винтовками в руках грабить помещиков, уничтожая и ломая все, что встречалось на пути. После этого грабежа от помещичьих поместий остались голые стены» [13, с. 140].

Следует отметить, что осуществлению декрета значительно препятствовали части 1-го Польского корпуса, разбросанные по Беларуси и принимавшие под защиту поместья своих соотечественников. Так, 29 ноября легионеры не допустили комиссию Глухской волостной управы к «приему имений» Баркулабово, Дашковка, Радча, Городок и «целиком забрали весь скот». Они же в середине декабря «самовольно забрали 600 пудов овса» (из 1000) в имении Сорочин, применив насилие к милиционеру [9, л. 80].

Таким образом, к началу 1918 г. последствия провозглашения декрета о земле проявили себя в массовом расхищении и уничтожении материальных ценностей, принадлежавших помещикам и иным владельцам. Организованный и стихийный развал фронта, помимо прочего, привел к массовому падежу армейских лошадей. В свое время большевики постоянно призывали к немедленному изъятию помещичьих земель, а издав соответствующий декрет, не смогли его осуществить даже в интересах крестьянства. В результате их действия и бездействия состояние и перспективы сельского хозяйства не могло не вызывать тревоги у всех слоев местного населения.

Рабочий класс Беларуси в лице своих партий, Советов и профсоюзов не поддержал Октябрьского переворота и связывал решение политических и экономических проблем главным образом с Учредительным собранием. Законодательное оформление 8-часового рабочего дня было фактическим закреплением этого завоевания Февральской революции. Принципиально новое, что попыталось совершить большевицкое правительство, связывалось с введением на предприятиях рабочего контроля над производством

и распределением [6, с. 178–180]. Данный документ от 14 ноября почти не отразился на настроениях рабочих. 30 ноября с призывом к его реализации выступила газета «Звезда». Но рабочие не проявили заинтересованности в его немедленном осуществлении.

В декабре в Витебске на собрании общественности проект большевистского представителя о рабочем контроле был назван демагогическим и даже не был заслушан [14]. Центральное бюро профсоюзов (ЦБПС) продолжительное время находилось в активной оппозиции к большевистской власти. С течением времени большевики создали альтернативный ему Совет фабрично-заводских комитетов с участием представителей фабрики «Двина», игольного и кирпичных заводов, водопровода, механических прачечных и др. [6, с. 876].

Комиссариат труда СНК Западной области и фронта постоянно обращался к рабочим организациям с призывом присылать своих представителей [6, с. 497]. Откликнулись лишь те из них, которые доселе находились на периферии политической жизни – поалеиционисты, социалисты-сионисты и др.

С течением времени отделы труда были созданы в большинстве Советов – от областного и губернских до волостных [6, с. 702–703, 775, 798, 814]. Ко времени разгона городских самоуправлений свои отделы труда существовали и при них.

В результате в рабочем движении некоторое время сохранялось известное двоевластие. Естественно, что каждая из сторон стремилась выставить себя единственным защитником рабочего класса. Были, правда, случаи, когда органы власти пытались создать совместные с профсоюзами учреждения для решения общих задач. Так, до 22 декабря Комиссариат труда разработал проект декрета об учреждении при Областном и уездных комиссариатах труда совместных трибуналов для решения споров между предпринимателями и рабочими [6, с. 622–623]. Но с практической точки зрения для ЦБПС в нем (проекте) не было особой нужды, поскольку большинство спорных вопросов решалось в существовавших еще с весны 1917 г. примирительных камерах, подчиненных профсоюзам.

Осуществленная большевиками национализация банков заставила предпринимателей сворачивать производство. Постановление Витебского губернского Совета о национализации недвижимости привело к прекращению домостроения, а это, как отмечалось на февральском заседании Совета ФЗК, обрекает «рабочую массу кирпичных заводов на голодную смерть» [6, с. 877].

Теряли средства к существованию печатники газет, закрытых большевиками, а также

работники закрытых за непризнание советской власти учреждений по обслуживанию фронта. В их числе оказался и Западнофронтный комитет ВЗС. 17 декабря на заседании СНК Западной области было постановлено признать «деятельность ВЗС на Западном фронте прерванной», а всю собственность передать в исключительное распоряжение СНК [6, с. 573].

16 января 1918 г. Витебский губернский Совет, кроме прочего, постановил: «Военно-промышленный комитет как организацию, которая способствует усилению спекулятивных целей капиталистов, а не защищает интересы трудящегося населения, распустить» [6, с. 785].

Итак, по причине закрытия оборонных предприятий, сокращения многочисленных учреждений (ВЗС, ВСГ, ВПК), а также вследствие начавшейся демобилизации армии рынок рабочей силы значительно возрос. Одновременно из-за уменьшения военных заказов, недостатка сырья и т. д. ухудшилась занятость кадровых рабочих. В конце ноября в Минске в ЦБПС поступали сведения о возрастающей безработице в связи с сокращением производства в некоторых отраслях работы и возвращением солдат с фронта. По этой причине 14 января Гомельский Совет решил «объявить возможно шире о том, что в Гомеле началась сильная безработица и приезжим на получение работ рассчитывать не приходится». Такая же ситуация сложилась в Могилеве и других городах Беларуси [6, с. 777–778, 851, 877]. В этой связи во властных и профсоюзных кругах актуализировался вопрос об открытии общественных столовых. Его решению способствовали национализированные финансы, помещичьи имения, а также конфискованные запасы продовольствия. Но в условиях начавшейся гражданской войны большевики были не в состоянии решать продовольственную, как и иные хозяйственные проблемы, без опоры на насилие.

Заключение. В результате революционных событий 1917 г. в Беларуси ее ведущие отрасли экономики претерпели значительные количественные и качественные изменения в сторону ухудшения. Если продовольственно-фуражный потенциал сельского хозяйства в послефевральский период еще был в состоянии удовлетворить известные потребности армии и местного населения, то после Октябрьского переворота основная масса сельхозпродуктов осталась у крестьянства, не пожелавшего поставлять их ни армии, ни городу. К этому же времени большое количество имений с живым и мертвым инвентарем, собранным урожаем и иными ценностями были разграблены и лишены возможности возобновить сельскохозяйственное производство. Уцелевшие от погромов хлебные магазины были

национализированы Советской властью, а экономии перешли в пользование батраков. Крестьяне в своей массе так и не получили вождельной помещичьей собственности, кроме той, что удалось захватить во время ее грабежа. Причем по большевистским меркам часть крестьян как мелких собственников стала представлять собой враждебную Советской власти силу. В отличие от царского и Временного правительства, уделявших значительное внимание сельскому хозяйству в государственных и общественных интересах, большевики рассматривали его преимущественно как средство удержания власти.

Влияние революционных событий Февраля на промышленность Беларуси было менее заметным, нежели чем на сельское хозяйство. Причинами того были ее слабая зависимость от потребностей фронта и местного рынка. Демократизация общественной жизни несколько улучшила положение трудящихся, но не повлияла на появление новых рабочих мест. В отличие от крестьян, рабочий класс четче представлял себе пути общественного развития страны и

полностью поддерживал политику Временного правительства. Октябрьский переворот в Беларуси в целом ухудшил положение промышленности и ее рабочего класса. Развал армии, помимо прочего, прекратил поступление военных заказов, а вместе с тем резко сократил занятость рабочих мест. Репрессивная политика большевиков в отношении враждебного им руководства организаций по обслуживанию фронта привела к прекращению деятельности многотысячных предприятий ВЗС, ВСГ, ВПК и др. С другой стороны, объявленная Советской властью национализация предприятий не вызвала у трудящихся должного интереса и также не стимулировала подъема производства. Наконец, из-за недальновидной внутренней и внешней политики большевиков впервые за долгие годы войны в городах возникла безработица, усиленная продовольственным кризисом. Отчасти поглотить излишек трудовых ресурсов могло сельское хозяйство, но и оно, как отмечалось выше, претерпевало трудности как объективного, так и большей частью субъективного характера.

Литература

1. Фих Б. М. Аграрная революция в Белоруссии (1917–1920 гг.). Минск: Вышэйшая школа, 1966. 414 с.
2. История рабочего класса Белорусской ССР. В 4 т. Т. 2. Рабочий класс БССР в годы Великой Октябрьской социалистической революции и построения социализма (1917–1937) / под ред. М. П. Костюка [и др.]. Минск: Наука и техника, 1985. 488 с.
3. Эканамічная гісторыя Беларусі: курс лекцый / В. І. Галубовіч [і інш.]; пад агул. рэд. В. І. Галубовіча. Мінск: Экаперспектыва, 1993. 288 с.
4. Петриков П. Т. Очерки новейшей историографии Беларуси (1990-е – начало 2000-х годов). Минск: Беларуская навука, 2007. 292 с.
5. Крестьянское движение в 1917 г. / под ред. М. Н. Покровского, Я. А. Яковлева. М.; Л.: Госиздат, 1927. 442 с.
6. Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии: док. и материалы. Победа социалистической революции и упрочение Советской власти в Белоруссии (октябрь 1917 г. – март 1918 г.): в 2 т. Минск: Госиздат БССР, 1957. Т. 2. 1096 с.
7. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 60. Оп. 3. Ед. хр. 243.
8. НАРБ. Ф. 60. Оп. 3. Ед. хр. 168.
9. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 2679. Оп. 1. Ед. хр. 9.
10. НАРБ. Ф. 628. Оп. 1. Ед. хр. 3.
11. НАРБ. Ф. 60. Оп. 3. Ед. хр. 148.
12. НАРБ. Ф. 60. Оп. 3. Ед. хр. 268.
13. 1917 год в деревне. М.: Госиздат, 1929. 360 с.
14. Известия Витебского революционного совета. 1917. 9 дек.

References

1. Fikh B. M. *Agrarnaya revolyutsiya v Belorusii (1917–1920 gg.)* [Agrarian revolution in Belorussia (1917–1920)]. Minsk, Vysheyshaya shkola Publ., 1966. 414 p.
2. *Istoriya rabocheho klassa Belorysskoi SSR. V 4 t. T. 2. Rabochii klass BSSR v gody Velikoy Oktyabrskoy socialisticheskoy revolutsii i postroeniya socializma (1917–1937)* [History of the working class of the Belarusian SSR. In 4 vol. Vol. 2. The working class of the BSSR during the great October socialist revolution and the construction of socialism (1917–1937)]. Ed. by M. P. Kostuk [et al.]. Minsk, Nauka i tehnika Publ., 1985. 488 p.
3. *Ekanamichnaya gistorya Belarusi: kurs lektsiy* [Economic history of Belarus. Course of lectures]. Ed. by V. I. Galubovich [et al.]. Minsk, Ecaperspektiva Publ., 1993. 288 p.

4. Petrikov P. T. *Ocherki noveyshey istoriografii Belarusi (1990-e – nachalo 2000-kh godov)* [Essays of modern historiography history of Belarus (1990s – early 2000s)]. Minsk, Belaruskaya nauka Publ., 2007. 292 p.

5. *Krest'yanskoye dvizheniye v 1917 g.* [Peasant movement in 1917]. Ed. by M. N. Pokrovskiy, Y. A. Yakovleva. Moscow, Leningrad, Gosizdat Publ., 1927. 442 p.

6. *Velikaya Oktyabr'skaya sotsialisticheskaya revolyutsiya v Belorussii: dok. i materialy. Pobeda sotsialisticheskoy revolyutsii i uprocheniye Sovetskoy vlasti v Belorussii (oktyabr' 1917 g. – mart 1918 g.)* [The great October socialist revolution in Belarus: doc. and materials. The victory of the socialist revolution and the consolidation of Soviet power in Belarus (October 1917 – March 1918)]. Minsk, Gosizdat BSSR Publ., 1957. Vol. II. 1096 p.

7. National Archives of Republic of Belarus (NARB). Fund 60. I. 3. F. 243.

8. NARB. Fund 60. I. 3. F. 168.

9. National Historical Archives of Belarus. Fund 2679. I. 1. F. 9.

10. NARB. Fund 628. I. 1. F. 3.

11. NARB. Fund 60. I. 3. F. 148.

12. NARB. Fund 60. I. 3. F. 268.

13. *1917 god v derevne* [1917 in the village]. Moscow, Gosizdat Publ., 1929. 360 p.

14. *Izvestiya Vitebskogo revolyucionnogo soveta* [News of the Vitebsk revolutionary Soviet], 1917, December, 9.

Информация об авторе

Семенчик Николай Ефимович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: polity@bk.ru

Information about the author

Semenchik Nikolai Yefimovich – DSc (History), Professor, Head of the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: polity@bk.ru

Поступила 28.10.2019